

Цзи Юйцзинь был несколько озадачен реакцией Чу Фэнцина. Опустив Чу Фэнцина, он вопросительно посмотрел на то место, но прежде чем его взгляд успел достичь цели, Чу Фэнцин вытолкнул его наружу. Он пошатнулся, прежде чем сумел удержаться на ногах, и едва не выпал из экипажа.

Цзи Юйцзинь: «.....»

Он упёр руки в бока и ткнул кончиком языка в нёбо. Он так разозлился, что рассмеялся:

— Чу Иньинь, в конце концов, я искал тебя целую ночь, и вот как ты ко мне относишься?

— Может, у тебя хоть капля совести есть?

Он ещё смеет говорить о совести в такое время?!

Чу Фэнцин крепко поджал губы, его лицо было полно стыда и гнева. Он был так зол, что его руки дрожали. Он даже не мог поднять голову, чтобы посмотреть на Цзи Юйцзиня. Если бы он мог говорить в этот миг, он бы непременно сказал «проваливай». Хотя Цзи Юйцзинь и не был виноват в этом деле, но! Это... такое интимное место, как можно было его касаться! Да ещё и постороннему!

Ресницы Чу Фэнцина слегка дрожали при мысли об этом. Он никогда раньше не сталкивался с таким. Сейчас он был немного растерян, и его обычно ясный разум слегка помутился.

Самое главное, что из-за снадобья резкое движение Цзи Юйцзиня, казалось, вызвало ещё большую реакцию...

К счастью, одежда была сложной и свободной, скрывая всё, что только можно было скрыть.

Чу Фэнцин закрыл глаза. Самая большая проблема, стоявшая перед ним сейчас, была не в том, как снять действие снадобья, а в том, как избежать разоблачения Цзи Юйцзинем.

После того как его вытолкали, Цзи Юйцзинь не стал допытываться, до чего он только что дотронулся. Видя, что тот долго не двигается, он подумал, что ему нехорошо. Как раз когда он собирался подойти проверить его, он вдруг вспомнил о снадобье, которое Чжао Линь скормил ему — Порошок Чуньфэн...

Проще говоря, это возбуждающее средство.

Цзи Юйцзинь помедлил, и на его обычно беспечном лице появился оттенок смущения. Он причмокнул губами и посмотрел на Чу Фэнцина, который отодвигался от него как можно дальше. Он тоже почувствовал, что что-то не так. Я думал, что он разрушает мост после

переправы, а оказывается, он остерегается меня.

Он рассмеялся от злости:

— Я что, по-твоему, такая сволочь, которая пользуется чужим положением?

Чу Фэнцин: «.....»

О чём этот человек снова говорит?

Цзи Юйцзинь:

— К тому же я евнух, и у меня даже этой штуки нет, чего ты боишься?

Чего я боюсь... Я боюсь, что ты обнаружишь то, до чего только что дотронулся, я боюсь, что ты обнаружишь, что жена, на которой ты женился, — мужчина, и тогда в гневе убьёшь всю семью Чу.

Пока Цзи Юйцзинь говорил, экипаж наконец тронулся. Цзи Юйцзинь сидел, скрестив ноги. Неизвестно, из уважения ли к его чувствам, но они находились довольно далеко друг от друга.

Шёл сильный снег, и была ночь, так что дорога была особенно трудной. Экипажу было очень тяжело по ней ехать. На дороге то и дело попадались мелкие камни, и экипаж всегда сильно шумел, наезжая на них. Кучеру было трудно избежать их в темноте.

В обычное время это не имело бы значения, но сейчас Чу Фэнцина почти сводили с ума все эти большие и малые шумы. Если он не двигался — ничего страшного. Но стоило ему пошевелиться, действие снадобья уже не прекращалось. Каждый раз, когда экипаж трясся, его лицо становилось всё краснее, и жжение, казалось, сжигало его.

В узком экипаже они оба молчали. Дыхание Чу Фэнцина становилось всё тяжелее и тяжелее. Он прижимал тыльную сторону ладони к губам, чтобы не издавать ни звука, но не мог контролировать своё дыхание. Чем больше он пытался его контролировать, тем тяжелее оно становилось.

Цзи Юйцзинь коснулся нёба кончиком языка, но его глаза ни разу не взглянули туда. В следующий миг он отдернул занавески, и холодный воздух хлынул внутрь. Он протянул руку, чтобы поймать несколько снежинок, и хотел поднести их к губам, но как только его губы касались снега, он таял от обжигающей температуры.

Холодный воздух, проникавший через окно, тоже немного облегчил состояние Чу Фэнцина.

На другой стороне Чжао Линь выпил те полфлакона снадобья, но действие ещё не возымело эффекта, однако следы от плети на его спине и разорванная кожа и плоть причиняли ему неудобство.

Линь Ин помогал ему обрабатывать рану и осторожно наносил лекарство.

Чжао Линь плакал, пока его лицо не покрылось слезами, и кричал:

— Завтра я доложу Императорскому Отцу и Матери-Наложнице и заставлю Пса Цзи жить жизнью хуже смерти! Я разрублю его на куски! Я также заставлю Чу Иньинь встать на колени и умолять меня захотеть «её». Если я не смогу этого сделать, меня зовут не Чжао Линь!

Глаза Линь Ина, казалось, всегда улыбались. Его заурядное лицо выделялось только глазами. Они были настолько выдающимися, что люди чувствовали, что эти глаза должны сочетаться с более красивым лицом. Он вытер слёзы с лица Чжао Линя платком:

— Хорошо, хорошо, хорошо, больше не плачь.

Однако Чжао Линь был виноват в этом деле. Даже если бы он доложил императору, он не получил бы никакой выгоды от противостояния с Цзи Юйцзинем. Старый император, возможно, даже сурово наказал бы Чжао Линя, чтобы расположить к себе подданных.

Только Чжао Линь был так наивен, что думал, будто император обязательно поможет ему добиться справедливости.

Линь Ин опустил глаза и взглянул на него: иногда быть немного глупым тоже хорошо.

Чжао Линь плакал без конца, его залитое слезами лицо казалось ещё более хрупким и утончённым. Внезапно он поднялся и прильнул к плечу Линь Ина, вытирая все свои слёзы и сопли. Линь Ин тоже не возражал.

Чжао Линь всхлипнул и сказал:

— Линь Ин, найди мне несколько девушек. Пёс Цзи скормил мне это снадобье, и мне сейчас очень нехорошо. Лучше всего, чтобы они были девственницами и хорошенькими, ты знаешь.

Линь Ин встал и почтительно поклонился Чжао Линю:

— Да, Хозяин, этот слуга сделает это немедленно.

Чжао Линь произнёс «эн» и затем сказал:

— Линь Ин, как здорово, что ты у меня есть.

Линь Ин улыбнулся:

— Хозяин, о чём вы говорите? Этот слуга рождён, чтобы служить Хозяину. Этот слуга существует только потому, что существует Хозяин. Это благословение для этого слуги — иметь возможность помогать Хозяину решать его проблемы.

Он говорил очень красиво, но выражение его лица изменилось, как только он вышел из комнаты. Его глаза помрачнели, но уголки губ слегка приподнялись.

К нему подошёл молодой евнух. Он был продвинут Линь Ином и следовал его приказам. Он поклонился Линь Ину и спросил:

— Гунгун, как рана Хозяина? Нужно ли Гунгуну позвать Императорского лекаря?

— Императорского лекаря? — Линь Ин слабо улыбнулся, и эта улыбка придала его заурядному лицу иной шарм. — Разве дворец Юйлинь ещё не окружён Цзи Юйцзинем и его людьми? Сейчас можно только выйти, но не войти.

Цзи Юйцзинь? Разве люди Цзи Юйцзиня давно не ушли?

Линь Ин:

— Верно?

Молодой евнух на мгновение опешил, а затем мгновенно пришёл в себя:

— Да, да, да, люди Цзи Юйцзиня плотно окружили дворец Юйлинь, даже муха не могла бы проникнуть внутрь.

Линь Ин слегка кивнул. Серая евнушья форма выглядела на нём безупречно, без складок. Она была чистой, прямой и стройной.

— Гунгун, тогда вы хотите пойти...?

Линь Ин:

— Хозяин хочет отведать суп из белых грибов с семенами лотоса, который я приготовил лично. Я пойду готовить.

Для двоих внутри поездка казалась бесконечной, пока наконец экипаж не остановился перед поместьем Цзи.

Оба вздохнули с облегчением. Цзи Юйцзинь первым спрыгнул с экипажа и не мог не издать звук «Ц-ц», едва не рухнув.

Сойдя с экипажа, он снова вспомнил о Чу Фэнцине. Он потёр виски. Кого, чёрт возьми, мучает это снадобье! В следующий раз, когда встретит Чжао Линя, он заставит его выпить ещё несколько флаконов.

Ноги Чу Фэнцина были так слабы, что он едва мог нормально ходить, не говоря уже о том, чтобы сойти с экипажа.

Цзи Юйцзиню ничего не оставалось, как забраться в экипаж, но прежде чем он успел пошевелиться, Чу Фэнцин избежал его.

Цзи Юйцзинь:

— Ц-ц, ты, маленький больной росток, сможешь ли ты спуститься сама, если не хочешь, чтобы я тебе помог?

Чу Фэнцин поджал губы и после долгого времени кивнул.

Цзи Юйцзинь скрестил руки на груди, прислонился к двери и с выражением наблюдающего за хорошим представлением сказал:

— Ладно, давай, покажи мне тогда.

Чу Фэнцин: «.....»

Ну, давай. Ему и без того было нехорошо, а после провокации Цзи Юйцзиня он разозлился ещё больше. Он поднял глаза, чтобы взглянуть на Цзи Юйцзиня, а затем, дрожа, встал, держась за стенку экипажа.

Он думал, что смотрит на него сердито, но не знал, что в его нынешнем состоянии в его глазах не было ничего, кроме двусмысленности.

Цзи Юйцзинь на мгновение опешил, нахмурился и пробормотал про себя: Она что, капризничает? Ли Юй, кажется, говорил, что девушки застенчивы, и часто, когда они говорят «нет», это значит, что они хотят этого.

Лёгок на помине. Снаружи послышался голос Ли Юя:

— Глава, императорский лекарь здесь.

Цзи Юйцзинь ответил:

— Эн, пусть сначала подождёт в Восточном дворе.

Тело Чу Фэнцина застыло. Императорский лекарь? Какой императорский лекарь?

Если императорский лекарь здесь, сможет ли он сохранить это в тайне?!

Видя, что он перестал двигаться, Цзи Юйцзинь снова спросил:

— Ты и впрямь не хочешь, чтобы я тебе помог?

Чу Фэнцин опустил глаза и пошёл на компромисс. Он открыл рот и хотел сказать: «Благодарю за помощь».

Но, открыв рот, он вспомнил, что у него ещё нет голоса. Он поджал губы и протянул руку, чтобы ухватиться за рукав Цзи Юйцзиня.

Цзи Юйцзинь опешил, и уголки его рта невольно приподнялись, но он всё же безжалостно сказал:

— Ты слишком извращена.

Ли Юй иногда может быть полезен. Он заметил: кто бы мог устоять перед объятиями того, кого любит?

Они сошли с экипажа. Чу Фэнцин уткнулся лицом внутрь, чувствуя такое смущение, что терял манеры перед другими.

Видя, что он так хорошо прячется, улыбка Цзи Юйцзиня стала глубже. Этот больной росток и впрямь умеет играть. Она прильнула к нему так близко, словно боялась, что другие не узнают, что «она» его жена.

Лао Мо смотрел, как Чу Фэнцина вынесли вниз на руках Цзи Юйцзиня, а затем он позвал императорского лекаря. Хотя он не знал, что случилось, его лицо было полно тревоги.

Цзи Юйцзинь шёл ровно. Вес Чу Фэнцина был слишком лёгок для него, так что они быстро добрались до Восточного двора.

В этот момент Чу Фэнцин потянул Цзи Юйцзиня.

— Хм? — Цзи Юйцзинь опустил голову, следуя его движению.

Уголки глаз Чу Фэнцина покраснели. Он сделал несколько жестов руками, а затем яростно замотал головой.

Глаза Цзи Юйцзиня потемнели. Вид Чу Фэнцина, лишённого дара речи, был и впрямь жалок. Если бы он не прибыл вовремя, как бы сильно Чу Фэнцин ни страдал, он не мог бы попросить о помощи или даже крикнуть.

Но если бы он опоздал...

Цзи Юйцзинь не смел думать дальше. В любом случае, Чжао Линя нельзя оставлять в живых.

Поскольку он отвлёкся, он не присмотрелся к жестам Чу Фэнцина.

Когда Чу Фэнцин увидел, что тот долго не реагирует, он подумал, что тот не понимает, и сделал жест снова.

Цзи Юйцзиню потребовалось некоторое время, чтобы понять:

— Ты имеешь в виду, что не хочешь видеть императорского лекаря, потому что стесняешься?

Стесняюсь? Откуда он это взял? Он же ясно говорил, что с ним всё в порядке.

Ладно, разные пути ведут к одной цели, и смысл в конце концов тот же.

Чу Фэнцин кивнул, его светлые глаза теперь были полны бурных мыслей.

Цзи Юйцзинь нахмурился, выглядя недружелюбно:

— Ты, маленький больной росток, ты что, скрываешь свою болезнь и избегаешь врача?

— Я могу неохотно согласиться на другие твои просьбы, но я не соглашусь на то, чтобы ты не видела императорского лекаря, даже если ты будешь говорить со мной до завтра.

Он не ожидал, что этот человек будет таким педантичным и всё ещё следует феодальной идее не видеть других мужчин, кроме своего мужа. Он должен помочь ей сломать клетку её мыслей и дать ей понять, что нет ничего важнее тела.

Чу Фэнцин: «.....»

Он выругался в душе: Пёс Цзи.

Видя, что он входит в комнату, Чу Фэнцин закрыл глаза и мог лишь действовать по обстоятельствам.

Чу Фэнцин теперь походил на лотос, всё ещё окутанный утренней дымкой, с каплями росы, скользящими по нему, и бутонами на грани распускания.

Ли Юй мельком увидел его из угла, и несколько вспышек удивления промелькнули в его глазах, но кроме удивления, там не было ничего другого. В следующий миг он сознательно отвернулся. Иначе, учитывая узколобость Цзи Юйцзиня, он боялся, что завтра в Сичане появится ещё один красивый и непревзойдённый мужчина, которого будут любить все, и цветы будут расцветать везде, где он пройдёт... непревзойдённо красивый мужчина, собравший все эти прекрасные прилагательные.

Цзи Юйцзинь опустил человека, сел у кровати и махнул рукой императорскому лекарю:

— Подойди и посмотри, есть ли решение...

Прежде чем он успел закончить слова, его тело внезапно притянула сильная сила. Он был застигнут врасплох и притянут этой силой.

Поразительно красивое лицо вошло в его поле зрения, и взгляд Цзи Юйцзиня встретился с глазами на оттенок светлее, чем у большинства людей.

Прежде чем он успел опомниться, тонкие пальцы Чу Фэнцина сжали его подбородок, точно так же, как он сделал это в их брачную ночь.

Его пальцы передавали ему своё тепло. Цзи Юйцзинь смотрел, как лицо перед ним постепенно растёт. Он даже мог чувствовать горячее дыхание. В этот миг на лице этого человека, боявшегося холода, не осталось ни одного прохладного участка.

В следующий миг его губ коснулось мягкое и слегка тёплое прикосновение.

<http://bllate.org/book/17231/1615527>